

DOI: 10.31857/S032103910025868-7

БОКХ ГЛАЗАМИ САЛЛЮСТИЯ: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

А. В. Короленков

*Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва, Россия;
Псковский государственный университет, Псков, Россия*

E-mail: sallust@list.ru

ORCID: 0000-0002-3628-2754

В статье рассматривается изображение мавретанского царя Бокха в *Bellum Iugurthinum* Саллюстия. Первоначально он выступает как марионетка Югурты и собственных советников, подкупленных нумидийским царем, но вскоре начинает действовать вполне самостоятельно, не являясь надежным партнером ни для римлян, ни для нумидийцев. В центре внимания Саллюстия бесконечные колебания Бокха (предать Югурту или римлян) и перемена им решений, которые, однако, не всегда сопровождаются какими-либо действиями. Римский писатель называет Бокха *barbarus* и обвиняет его в *fides Punica*, тогда как в адрес Югурты такие обвинения не звучат. Саллюстий утверждает, что цари часто вступают в противоречие с самими собой (*Iug.* 113.1), но Бокх остается вполне верен себе, поскольку суть его характера, как он показан у Саллюстия, именно в противоречиях, которые и отражаются в его бесконечных колебаниях и перемене решений.

Ключевые слова: Саллюстий, *Bellum Iugurthinum*, Бокх, Югурта, римская историография, образ варварского царя

BOCCHUS IN SALLUST: SOME CONSIDERATIONS

Anton V. Korolenkov

*State Academic University for the Humanities, Moscow, Russia;
Pskov State University, Pskov, Russia*

E-mail: sallust@list.ru

Acknowledgements: Russian Science Foundation, project no. 22–28–01181

Данные об авторе. Антон Викторович Короленков – кандидат исторических наук, доцент ГАУГН, научный сотрудник лаборатории «Центр комплексного изучения проблем региональной безопасности» Псковского государственного университета.

Исследование подготовлено в рамках проекта РНФ № 22-28-01181 «Миф о “восточном деспотизме” в европейской литературной традиции (от античности до раннего Нового времени)».

The article is devoted to the image of the Mauretanian king Bocchus in Sallust's *Bellum Iugurthinum*. At the beginning Bocchus is portrayed as a puppet of Jugurtha and his own advisers bribed by the Numidian king, but soon he begins to act quite independently, not being a reliable partner neither for the Romans nor for the Numidians. Sallust focuses on Bocchus' endless doubts (whom to betray: Romans or Jugurtha) and on the changes of his own decisions, which, however, are not always followed by any real actions. The Roman author calls Bocchus a *barbarus* and accuses him of *fides Punica*, while there are no such accusations against Jugurtha. According to Sallust, kings often come into contradiction with themselves (*Iug.* 113. 1), but Bocchus remains completely true to his nature, since the essence of his character, as shown by Sallust, lies precisely in his contradictions, which are reflected in his endless hesitation and change of decisions.

Keywords: Sallust, *Bellum Iugurthinum*, Bocchus, Jugurtha, Roman historiography, barbarian king's image

Важнейшими персонажами «Югуртинской войны» Саллюстия являются два «варварских» царя: правитель Нумидии Югурта и правитель Мавретании Бокх. Если об образе первого писали не раз, то образ Бокха изучался мало (исключение составляет его речь в *Sall. Iug.* 110, см. ниже). Постараемся хотя бы отчасти восполнить эту историографическую лакуну.

Бокх появляется у Саллюстия, если так можно выразиться, постепенно¹. Сначала о нем упоминается просто как о правителе Мавретании (*Iug.* 19. 7: *Mauris omnibus rex Bocchus imperitabat*), который знал только имя римлян, да и им самим известен не был (*praeter nomen cetera ignarus populi Romani itemque nobis neque bello neque pace antea cognitus*). В 62. 7 сообщается о бегстве к Бокху людей Югурты во время переговоров последнего с Метеллом. В 74. 1 говорится, что в его царстве искали спасения приближенные Югурты, которые испугались репрессий, начавшихся после раскрытия последним заговора Бомилькара.

В 80-й главе происходит перелом: Югурта дарами склоняет мавретанского царя вступить в войну против римлян. «Это было тем более легко и осуществимо, что в начале войны с Югуртой Бокх отправлял послов в Рим с просьбой о союзе и дружбе; этому делу... помешали несколько человек, ослепленных алчностью (*pauci impediverant saeci avaritia*), для которых привычно было продавать всё подряд — и честное и бесчестное» (80. 3–5. Здесь и далее пер. В.О. Горенштейна, иногда с изменениями; курсив наш. — А. К.). Здесь налицо отмечающаяся в литературе перекличка с 8-й главой², где некие молодые нобили говорят Югурте, что в Риме всё продажно (*Romae omnia venalia esse*), и хотя о них сказано как о *complures*, ниже Сципион Эмилиан предупреждает нумидийского царевича не покупать у немногих то, что принадлежит многим (*periculose a paucis emi quod multorum esset*)³. В подтверждение того, что именно влияние продажных *pauci* со-рвало установление дружбы и союза между Римом и Мавретанией⁴, Саллюстий

¹ Подобно Марию, который упоминается у Саллюстия 10 раз, прежде чем ему дается развернутая характеристика (см. Vretska 1955, 102, Anm. 5).

² Koestermann 1971, 283; Paul 1984, 201.

³ Koestermann 1971, 282–283; Paul 1984, 201.

⁴ Вполне возможно, однако, что причиной стал отказ сената принять предложения Бокха (Paul 1984, 247).

специально подчеркивает, будто брак Бокха с дочерью Югурты (*Iugurthae filia Voccho nupserat*)⁵ значения не имел, поскольку-де в тех краях многоженство в обычае, а потому к женам особых чувств не испытывают — *animus multitudine [uxorum] distrahitur: nulla pro socia obtinet, pariter omnes viles sunt* (80. 6–7). Неубедительность подобных рассуждений очевидна, поскольку даже при множестве жен некоторые из них вполне могут пользоваться большей привязанностью царя. Но главное в другом: в династических браках чувства особой роли вообще не играют, главное — статус вступающих в родство. Тем не менее в историографии странным образом этот парадоксальный пассаж возражений почти не вызвал⁶. Между тем очевидно, что Саллюстий руководствуется в данном случае желанием показать всепобеждающую силу подкупа, которая, по его мнению, сыграла роковую роль накануне Югуртинской войны и в ее начале.

Стоит отметить, что рассказу о вступлении в войну Бокха на стороне Югурты предшествует легенда о карфагенских послых братьях Филенах, которые вступили с киренянами в спор о бесплодных равнинах в Ливии и позволили зарыть себя в землю живыми, чтобы эти равнины достались их родному Карфагену (*Iug.* 79).

Данный сюжет понимали по-разному. К. Бюхнер указывает, что Метелл после взятия Талы был близок к победе, но Югурта смог втянуть в войну Бокха, и она вступила в новую фазу. В этом контексте экскурс играет «расчленяющую» роль, а легенда о «героическом самопожертвовании братьев Филенов соответствует рассказу о деяниях Метелла [Нумидийского]»⁷. Однако Метелл не жертвовал собой, а наносил удары по врагу, да и непонятно, почему для маркировки нового этапа войны понадобился столь необычный сюжет. По мнению Р. Ониги, легенда о Филенах введена в укор развращенному правящему классу Рима — так же, как впоследствии Тацит будет находить кое-что положительное в *libertas* германцев — *libertas*, которую римляне к его времени уже утратили⁸. Само по себе это резонно, но тогда легенда о Филенах оказалась бы на месте в африканском экскурсе (*Sall. Iug.* 17–19), перед которым говорилось о подкупе Югуртой сенаторов, благо описание театра будущей войны давало для такого рассказа удобный повод, тогда как в гл. 78–79 приходится специально подводить читателя к этой теме.

Для Т. Видемана главное в этой истории то, что Филены — братья. В мифологии братья чаще враждуют, чем помогают друг другу (Исав и Иаков, Этеокл и Полиник,

⁵ Плутарх, напротив, пишет о Бокхе как тесте (*πενθερός*) Югурты (*Plut. Mar.* 10. 3; *Sull.* 3. 2; Koestermann 1971, 283). Возможно, впрочем, у Саллюстия должно читаться *Vocchi*, а не *Voccho* (Paul 1984, 201 со ссылкой на Р. Циммермана), и тогда Югурта и у него оказывается зятем мавретанского царя, как обычно и считается, причем данные Саллюстия и Плутарха признаются безо всяких оговорок идентичными (Klebs 1897, 577; Gsell 1928, 212).

⁶ См. Gsell 1928, 213. Р. Виндберг оспаривает тезис источников о малой роли женщин в Нумидии, ссылаясь на противоречащие этому данные о кочевниках (Windberg 1937, 1351). Дж. Пол возражает, говоря, что у Саллюстия речь о царских семьях, которые едва ли были кочевниками (Paul 1984, 201). Однако речь должна идти о роли не женщин, а династических браков, что не одно и то же.

⁷ Büchner 1982, 145; Tiffou 1973, 470.

⁸ Oniga 1990, 24–25.

Ромул и Рем). Заметим, что и Югуртинская война начинается у Саллюстия со ссоры между двоюродными братьями — нумидийскими царевичами. Если же брать участников описываемых событий, то здесь также есть аналогичный пример: Спурий и Авл Постумии Альбины. Когда первый уезжает в Рим для проведения комиций, второй из соперничества с братом начинает боевые действия, чтобы закончить войну до его возвращения, терпит поражение и заключает позорный (с точки зрения римлян) мир. Спурий же, вернувшись, отказывается признать этот договор (Sall. *Iug.* 37–39). Им-то, по мысли Т. Видемана, и противопоставляются братья Филены: они, действуя в согласии друг с другом, поступают на благо отечеству, Альбины же, заботясь каждый лишь о себе, навлекают на него позор⁹.

Противопоставление Постумиям с учетом того, что оно требует вернуться на сорок (!) глав назад, выглядит сомнительным, а вот акцент на родстве между Филенами представляется весьма важным¹⁰. Напомним, что Югурта и Бокх также приходятся друг другу близкими родственниками (рассуждения Саллюстия об отсутствии у мавретанцев привязанности к женам этого факта не отменяет). Однако если пунийцы в согласии друг с другом, брат с братом, совершили достойный подражания героический поступок, то Бокх, взявшись поддерживать Югурту, поступает недобродетельно: он помогает хотя и близкому родственнику, но заведомому негодяю, главная вина которого состоит в том, что он враг римлян.

Однако Саллюстий сразу же намекает на непостоянство царя мавров. Уже в *Iug.* 81. 4 он пишет: «Югурта стремился лишь к одному — поскорей лишить Бокха надежды на мир, чтобы тот из-за промедления (*moras*) не отказался от войны». Между тем никаких поводов для сомнений в своей позиции последний, если исходить из текста самого же Саллюстия, не дает. Что же касается промедления, то в его условиях Бокх обнаруживает похвальную (с точки зрения Югурты) твердость. В 83-й главе Метелл предлагает Бокху воздержаться от войны с римлянами, которые не сделали ему ничего дурного. «Царь отвечает на это вполне миролюбиво, сам он желает мира, но сочувствует Югурте, и, если тому была бы предоставлена такая же возможность, обо всем можно было бы договориться. Полководец снова шлет гонцов с возражениями — с одними тот соглашается, другие отклоняет. Таким образом, пока они обменивались гонцами, время уходило и... война тянулась, а боевые действия не начинались» (83. 2–3). Но Бокх, как видим, хранит верность Югурте. В то же время следует отметить, что здесь Саллюстий, видимо,

⁹ Wiedemann 1993, 54–55. Курьезной представляется точка зрения Э. Шоу. Он видит в этой истории противопоставление образцовых карфагенян из неопределенного прошлого, братьев Филенов, Гамилькару из Большого Лептиса, *homo factiosus*, стремящемуся к *res novae* (Sall. *Iug.* 77. 1) и будто бы воспринимавшемуся римскими читателями как карфагенянин; тем самым Саллюстий хочет показать, как низко пал Карфаген со времен Филенов (Shaw 2021, 115). Однако связь между обоими сюжетами спорна, ибо их разделяет 78-я глава, о Гамилькаре сказано всего несколько слов, а Филенам посвящен подробный рассказ; наконец, странно говорить о моральном падении Карфагена в описываемые Саллюстием времена, когда город уже почти 40 лет как перестал существовать, а сам Гамилькар вовсе не был карфагенянином.

¹⁰ Э. Шоу, пересказывая точку зрения Т. Видемана (Shaw 2021, 114), не обратил внимания на этот важный ее аспект.

пошел на хронологическую перестановку, отнеся союз обоих царей к более раннему времени, чем то имело место на деле¹¹, чтобы сделать его своего рода прелюдией к кампаниям Мария¹². Согласно Орозию (V. 15. 9)¹³, союз был заключен лишь после взятия Марием Капсы¹⁴, да и сам Саллюстий, как мы увидим, пишет об участии Бокха применительно ко времени, указанному Орозием. Это выглядит и более логичным, так как именно после падения Капсы война приблизилась к границам Мавретании. Согласно эпитомам Ливия (*per.* 66), Югурта обратился к Бокху за помощью лишь после назначения Мария. Смысл хронологической вольности¹⁵ Саллюстия становится ясен в 88-й главе, где он пишет: «Бокх не раз присылал к Марию гонцов, уверяя, что ищет дружбы римского народа и что Марию не надо бояться враждебных действий с его стороны. Было ли это притворством (*simulaveritne*), чтобы внезапный удар оказался для нас особенно тяжелым, или же царь, по природе своей непостоянный (*mobilitate ingeni*), готов был то искать мира, то возобновлять войну, сказать трудно» (*Sall. Jug.* 88. 5–6).

Этот пассаж весьма примечателен: оба предложенных Саллюстием варианта неблагоприятны для Бокха, который и в том, и в другом случае оказывается человеком коварным и ненадежным¹⁶. Таким он, как мы увидим, будет изображаться и дальше. При этом Саллюстий игнорирует то, что Бокх никакого удара по римлянам не нанес, а потому нет оснований подозревать его в коварстве по отношению к ним. Но писатель явно исходит не из этого очевидного факта, а из того, что коль скоро позднее Бокх вступил в войну, то готовил удар давно, чем, видимо, и обусловлена датировка его замысла куда более ранним временем.

В 97-й главе Бокх, наконец, присоединяется к Югурте, приведя войска в обмен на треть Нумидийского царства (т.е., собственно, именно тогда и заключает с ним союз), узнав после падения мулуккской цитадели, что Бокх «медлит и, колеблясь, взвешивает доводы в пользу войны и мира (*cunctari accipit et dubium belli atque pacis rationes trahere*), Югурта снова, как и прежде, подкупил дарами его приближенных, а самому мавру обещал третью часть Нумидии, если римляне

¹¹ Lauckner 1911, 44–45; Büchner 1953, 70; Vretska 1955, 72.

¹² Koestermann 1971, 282, 286. В. Шур считает, что военное соглашение между царя фактически состоялось, но Метелл сумел дипломатическими средствами предотвратить непосредственное вступление в войну готового к ней Бокха (Schur 1934, 122), однако эта точка зрения не нашла поддержки. В. Штайдле считает вопрос спорным (Steidle 1958, 66, Anm. 1).

¹³ Порой ошибочно дают ссылку на *Oros.* V. 14 (Schur 1934, 121; Büchner 1953, 70; Koestermann 1971, 282).

¹⁴ В доказательство этого ссылаются также на сообщение Евтропия (IV. 27. 4; см. Schur 1934, 121; Büchner 1953, 70; Koestermann 1971, 282), который, однако, пишет лишь о победах Мария над Югуртой и Бокхом, вообще не упоминая о взятии им Капсы. К. Бюхнер ссылается в этой связи и на эпитоматора Ливия, также о Капсе не упоминающего.

¹⁵ Или, по более суровой формулировке К. Лаукнера, «тенденциозного искажения» (Lauckner 1911, 44).

¹⁶ Дж. М. Пол, принимая рассказ Саллюстия, видит в отправке послов Бокхом признак его ненадежности как союзника Югурты (Paul 1984, 221), не учитывая, что союз между ними, видимо, еще не был заключен. Также см. Klebs 1897, 577.

будут выдворены из Африки или если война будет закончена без ущерба для его царства. Соблазнившись такой наградой, Бокх с многочисленным войском присоединяется к Югурте» (97. 2–3). Как видим, вновь звучит мотив подкупа как главного способа Югурты повлиять на ситуацию, но также и мотив постоянных колебаний Бокха¹⁷, хотя ничто в действиях царя на таковые не указывает.

При описании последовавшего затем сражения царь мавров не упоминается (97–99), а вот в рассказе о битве под Циртой он появляется вновь. В ходе битвы Бокх нанес удар по замыкающим частям римской армии (*postremam Romanorum aciem*), но, когда его с фланга атаковал Сулла, он «тотчас же повернул [войско] (*statim avertitur*)», т.е. начал отступать (101. 5, 8)¹⁸. Примечательно, что здесь говорится не о малой боеспособности мавров¹⁹ и/или мощном натиске римлян, а именно о решении царя, который принял таковое немедленно (*statim*) – судя по всему, иллюстрация не столько его трусости (в этом его Саллюстий нигде не обвиняет), сколько переменчивости.

Но дело не ограничивается отступлением: после битвы под Циртой Бокх отправляет к римлянам послов, которые «от его имени предложили Марию направить к царю двух надежных людей, с которыми он хочет обсудить нечто важное для него самого и для римского народа» (102. 2). Любопытно, что о выходе из войны прямо не говорится, речь идет лишь о «чем-то важном» (*commodo*) – лишний штрих к портрету склонного к неопределенности правителя мавров.

Происходит обмен речами между Бокхом и Суллой, которому Марий поручил вести переговоры²⁰. Бокх ссылается на то, что поднял оружие лишь для защиты той части Нумидии, которую уступил ему Югурта (102. 13), но в глазах римского читателя такой аргумент звучит лживо²¹, ибо получил он эти земли в обмен на союз против Рима. Бокх, отметив, что уже отправлял послов в Рим, но неудачно, просит позволить ему сделать это еще раз и получает согласие... и тотчас изменяет «свои планы (*animus barbari... flexus*) – по настоянию друзей, которых подкупил Югурта» (102. 15). Обращает на себя внимание, что он здесь назван варваром²², тогда как нумидийский царь ни разу так не именуется. Однако в чем выражается перемена решения Бокха, не говорится – вне всякого сомнения, она вымышлена Саллюстием, чтобы подчеркнуть вероломство мавра. Во всяком случае, когда Марий уходит с частью армии в пустыню, чтобы захватить одну из крепостей Югурты, Бокх «снова изменил свои планы (*tum rursus Bocchus*) – то ли хорошенько поразмыслив над тем, что случилось с ним в двух сражениях, то ли послушавшись друзей, которых Югурте не удалось подкупить» (103. 2).

¹⁷ Koestermann 1971, 345.

¹⁸ Koestermann 1971, 358.

¹⁹ См. Koestermann 1971, 358.

²⁰ Сулла начинает свою речь с обращения *rex* (Sall. *Iug.* 102. 5), что, по мнению Э. Фельдхерра, можно понимать и как лесть, и как указание на сугубую инаковость его персоны для римской аудитории, которая, возможно, понимает иронию Суллы (Feldherr 2021, 162).

²¹ Steidle 1958, 88.

²² Любопытно, что Саллюстий называет Бокха варваром после сообщения о том, как тот поддался влиянию продажных советников (см. Santangelo 2019, 117).

Этот пассаж весьма интересен. Саллюстий вновь предлагает на выбор варианты, которые в действительности являются взаимодополняющими – в сущности, это намек на то, какими доводами приближенные могли повлиять на Бокха. Важнее, впрочем, другое: если в предыдущем случае он, по сути, оказывается марионеткой Югурты, то здесь принимает мнение не зависящих от него людей, оказываясь, таким образом, непростым партнером не только для римлян, но и для нумидийского царя. При этом склонность к постоянным колебаниям, производящая, естественно, дурное впечатление, для Саллюстия явно важнее того, что Бокх в конце концов принял решение, выгодное для Рима.

Писатель дает понять, что репутация правителя мавров как человека коварного и злокозненного быстро укоренилась в умах римлян. Когда отправленный Марием проквестор Сулла и его люди решили, будто сын Бокха Волукс хочет выдать их Югурте, Сулла призвал «Юпитера Величайшего в свидетели преступления и вероломства Бокха (*Iovem maximum obtestatus, ut sceleris atque perfidiae Vocchi testis adesset*)» (107. 2)²³. И хотя вскоре выясняется, что подозрения в адрес мавров беспочвенны, Саллюстий никак не дезавуирует прозвучавшего из его уст необоснованного обвинения.

Совсем иначе рассуждает писатель в следующей главе. Сулла, наконец, прибывает к царю мавров для переговоров. Бокх предлагает ему самому назначить время и место для обсуждения и добавляет, что посла Югурты можно не опасаться. «В своих отношениях с Югуртой он, Бокх, нарочно всё оставляет без перемен, чтобы легче было обсудить общие дела, иначе ему не уберечься от козней царя. Сам-то я отлично знаю (*sed ego conperior*), что действия Бокха, надеждой на мир державшего одновременно в напряжении и римлянина и нумидийца и всё время раздумывавшего, кого кому предать – Югурту ли римлянам или ему Сулле, определялись пунийской верностью (*Punica fide*), а не тем, в чем он заверял; глубинное желание (*lubidinem*) настраивало его против нас, страх (*metum*) – в нашу пользу» (108. 2–3).

Как видим, если в предыдущем случае Саллюстий воздерживается от благоприятных для Бокха оценок, хотя подозрения в его адрес оказались беспочвенными, то здесь вполне естественное поведение царя в отношении Югурты безо всяких доказательств²⁴ выдается за проявление коварства²⁵. Еще более маловероятным

²³ Сходную формулировку Саллюстий вкладывает в уста Лепида (*Hist. I. 55. 1*): *quom illi spes omnis in scelere atque perfidia* (см. Koestermann 1971, 373).

²⁴ Единственным аргументом является горделивое *sed ego conperior*; предполагается, что здесь Саллюстий опирается на версию событий из записок Суллы (Koestermann 1971, 376; Paul 1984, 253–254; Chlup 2013, 199). Это вполне вероятно, но коль скоро писатель ими воспользовался, они соответствовали его воззрениям. По предположению А. Ла Пенны, Саллюстий спорит здесь с Суллой, который будто бы считал, что Бокх уже принял решение, колеблется же только для виду (La Penna 1959, 267). Единственный аргумент в пользу этого, состоящий в том, что слова *ego conperior* для многих читателей были бы излишни, если бы писатель только возражал Бокху, представляется достаточно субъективным.

²⁵ Или, как выражается Ф. Сантанджело, «сочетание нерешительности и вероломства» (Santangelo 2019, 120). По мнению Т. Дж. Клапа, Саллюстий, говоря о *Punica fides*, превращает мавров в преемников коварных карфагенян, что несколько необычно, но в действительности Саллюстий дает свой комментарий, чтобы пробудить

представляется предположение Саллюстия, будто Бокх мог думать о выдаче Суллы нумидийцу: во-первых, ничто этого не подтверждает, а во-вторых, диктовать условия римлянам такой шаг ни ему, ни Югурте не позволил бы, а вот последствия могли оказаться очень плачевными²⁶, и вряд ли после разгрома под Циртой Бокх готов был идти на такой рискованный шаг. Понятно, однако, что Саллюстий руководствовался не этими соображениями, а стремлением во что бы то ни стало изобразить мавретанского царя человеком коварным и ненадежным.

Через десять дней происходит тайная встреча Бокха и Суллы, которая представляет для нас особый интерес. Бокх открывает свою речь высокопарным заявлением: «Никогда не думал, что мне, величайшему царю в этой стране и среди всех царей, каких я только знал (*rex maximus in hac terra et omnium, quos novi*), придется быть благодарным частному лицу (*privato homini*)» (110. 1). Столь нескромная самопрезентация звучит не «немного наивно», как пишет Э. Тиффу²⁷, а скорее весьма иронически²⁸, обличая спесь царя²⁹, тем более что сам Саллюстий, как мы уже могли убедиться и убедимся в дальнейшем, оценивает его совсем по-другому³⁰. Суллу же, облеченного полномочиями проквестора, Бокх называет *homo privatus*, что, можно не сомневаться, также призвано подчеркнуть его высокомерие и самодовольство³¹ — *homo privatus* для него любой человек не царской крови³². Примечательно также, что на протяжении своей в общем-то короткой речи он шесть (!) раз использует местоимение *ego*³³.

в читателях сомнения и подтолкнуть к критике римского империализма (Chlup 2013, 199). Суждение в высшей степени спорное, поскольку в «Югуртинской войне» Саллюстий критикует продажных нобилей не за несправедливые войны, а за нежелание вести войну справедливую, да и вообще подобного рода интеллектуальные провокации совершенно не свойственны римским авторам. Заметим также, что о *fides Punica* Югурты Саллюстий не пишет даже там, где это выражение напрашивается (см. *Sall. Jug.* 26.2).

²⁶ Paul 1984, 256. С. Гзель допуская и то, что подобные планы приписали Югурте (а он будто бы повлиял на Бокха) римляне, и то, что Югурта действительно предлагал Бокху захватить Суллу (Gsell 1928, 257).

²⁷ Tiffou 1973, 475.

²⁸ Koestermann 1971, 377.

²⁹ Sensal 2001, 73. Также см. Schnorr von Carolsfeld 1888, 57. Пол отмечает, что Бокх заявляет о себе как о не нуждавшемся прежде ни в чьей помощи (*Sall. Jug.* 110. 2: *nul-lius indignus [opis]*), в действительности же он уже просил римлян заключить договор о дружбе (80. 4; 102. 13; ср. Paul 1984, 254). Однако оказание помощи и договор о дружбе не одно и то же.

³⁰ *Sall. Jug.* 88. 6; 108. 3; 113. 3; ср. Sensal 2001, 69, n. 23.

³¹ Schnorr von Carolsfeld 1888, 57; Koestermann 1971, 377. Это тем более показательно, что сам Саллюстий называет Суллу и после продления полномочий квестором (*Sall. Jug.* 103. 7; 106. 1; 113. 5). Сомнительно, что последний пошел бы в мемуарах на такое самоуничижение даже при пересказе речи царя, хотя и сам Х. Шнорр фон Карольсфельд, и другие ученые склонны возводить ее именно к этому источнику (также см. Gsell 1928, 256, n. 2; Koestermann 1971, 377; Sensal 2001, 65–74).

³² Paul 1984, 254. Шнорр фон Карольсфельд, правда, несколько преувеличивает, говоря, будто Бокх видит рядом с собой лишь *servi* (Schnorr von Carolsfeld 1888, 57), в тексте Саллюстия подтверждения этому нет.

³³ Schnorr von Carolsfeld 1888, 57; Sensal 2001, 69.

При этом создаваемому им собственному величавому образу противоречит разгворное *mehercule* (110. 2)³⁴.

Лишь в стк. 14 речи из *Iug.* 22 (по тойбнеровскому изданию) он переходит к делу, обещая не переходить Мулуку и не позволять делать этого, а также изьявляет готовность и к иным уступкам, первые же 13 строк занимают рассуждения царя о желании быть щедрым по отношению к Сулле. По мнению К. Бюхнера, тем самым царь создает основу для переговоров³⁵, но следует отметить, что последний проводит четкую грань между щедростью в отношении Суллы и уступками Риму, о которых говорит позже. Вряд ли Саллюстий обозначил эту разницу из чисто риторических соображений. Возможно, тем самым он хотел лишний раз подчеркнуть коварство мавра, который, столь многословно обещая Сулле, что называется, златые горы, на деле собирается выдать его Югурте. А вот о его планах перейти Мулуку вопреки обещаниям Саллюстий не пишет, и таким образом правда в речи Бокха занимает весьма скромное место, тем более что завершается речь посулами еще бóльших уступок, за которыми скрывается намерение выдать проквестора Югурте.

В ответ Сулла заявляет, что римляне не считают обещания царя заслуживающими благодарности, коль скоро победили его в бою, ему же необходимо совершить нечто, что «будет на пользу им, а не ему (*faciendum ei aliquid, quod illorum magis quam sua rettulisse videretur*)», т.е. выдать Югурту. «Царь сначала отказывался, ссылаясь на то, что ему мешают узы родства (*cognationem*), свойства (*adfinatam*), да и союзный договор (*foedus*); а кроме того, он опасается, что нарушение им честного слова (*fide*) оттолкнет от него его подданных, расположенных к Югурте и ненавидящих римлян. Наконец, он уступает настояниям и обещает исполнить все, чего хочет Сулла» (111. 1–3).

Как видим, вполне естественное с политико-дипломатической точки зрения поведение Бокха преподносится как откровенное лицемерие. Его ссылки на *cognatio*, *adfinitas*, *foedus*, *fides* не стоит воспринимать всерьез — достаточно вспомнить, что Саллюстий считал узы родства по браку не имевшими у мавров большого значения (80. 6)³⁶, да и посещавшая Бокха, как он уверен, мысль о выдаче Суллы не свидетельствует о его уважении к *fides*³⁷.

Впрочем, казалось бы, всё позади³⁸, и оба «сговариваются, как притвориться, будто они готовы заключить мир (*ad simulandam pacem*), в котором истощенный войной

³⁴ Ср. Sensal 2001, 69, n. 27.

³⁵ Büchner 1982, 202.

³⁶ Koestermann 1971, 380.

³⁷ Думается, Ф. Сантанделло не вполне прав, говоря, будто Бокх выдвигает *fides* на первый план (Santangelo 2019, 121) — она упоминается лишь на *четвертом* месте среди других доводов, что вряд ли случайно.

³⁸ Э. Фельдхерр сравнивает увещевания Бокха Суллой с наставлениями Сципиона Эмилиана Югурте под Нуманцией (Sall. *Iug.* 8. 2), и в конце концов Бокх идет по пути, предуказанному Сципионом (Feldherr 2021, 158, 161). Однако ситуации значительно различаются: в первом случае перед нами монолог, во втором — диалог, нумидийский царевич на момент разговора — верный союзник Рима, тогда как мавретанский царь ведет с ним войну, и первого Сципион убеждает поддерживать дружбу с Римом

нумидиец крайне нуждался» (111. 4). Напомним, что и о Сулле говорилось выше (95. 3) как о мастере притворяться (*ad simulanda negotia altitudo ingeni incredibilis*).

Однако почти сразу выясняется, что царь вовсе не готов выполнить обещанное. Через несколько дней посол Югурты Аспар предложил выдать Сулле нумидийскому царю. «После долгого размышления мавр в конце концов обещал сделать именно так, но колебался ли он для вида или искренне (*ceterum dolo an vere cunctatus*), мы так и не узнали — в большинстве случаев в своих желаниях цари столь же непостоянны, сколь и беспощадны, и часто противоречат сами себе. Когда определили время и место встречи, Бокх вызывал к себе для переговоров о мире то Суллу, то посла Югурты, был приветлив с ними, обоим обещал одно и то же (*idem ambobus polliceri*)³⁹; они в равной мере радовались и были исполнены добрых надежд» (113. 1–2).

Таким образом, сначала мы узнаем, что он обманул римского проквестора, а затем — посла Югурты, причем оба уверены в успехе — иначе говоря, в притворстве царь превзошел даже Суллу, который сам весьма преуспел в нем (см. выше). Однако самый драматический эпизод впереди: «Но накануне дня, назначенного для переговоров, мавр собрал ночью друзей, однако тут же отослал их, изменив первоначальное решение, и, говорят, долго размышлял в одиночестве (*dicitur secum ipse multum agitavisse*), причем выражение его лица и глаз менялось вместе с настроением (*voltu colore motu corporis pariter atque animo varius*), что, разумеется, несмотря на молчание, выдавало его тайные мысли» (113. 3).

Если предыдущий эпизод с одинаковыми обещаниями Аспару и Сулле теоретически мог иметь место, то здесь перед нами бесспорный литературный вымысел⁴⁰, когда, по тонкому замечанию выражению К. Вретска, лишь оговорка *dicitur* отличает историка от поэта⁴¹; драматическое напряжение достигает высшей точки, усиливается атмосферой ночи⁴² и эффектом аутопсии, когда речь заходит о выражении лица царя. Несомненно, это одна из вершин повествовательного мастерства Саллюстия⁴³.

открыто (*publice*), а не подкупая отдельных политиков, тогда как Сулла предлагает лишь установить эту дружбу, подкрепив ее выдачей Югурты. Думается, названные различия носят отнюдь не второстепенный характер, и проводимая Фельдхерром параллель носит во многом надуманный характер.

³⁹ Напрашивается параллель с анекдотом о Марии, который бегал в разные концы своего дома во время переговоров с посланцами сената и Сатурнина, подзадоривая одних против других (*Plut. Mar. 30. 3*).

⁴⁰ См. Koestermann 1971, 384: «Откуда можно знать, как он (Бокх. — А. К.) вел себя, оставшись один?»

⁴¹ Vretska 1955, 82. Э. Кёстерман называет это слово ничего не значащим, отрицая, что Саллюстий мог сам придать этому рассказу «новеллистически-романтическую окраску», и усматривая здесь влияние Посейдония (Koestermann 1971, 384). Думается, однако, что римский писатель, вполне самостоятельный в своем художественном подходе, мог развить чье-либо замечание о размышлениях и колебаниях царя (вполне естественных в такой ситуации) в столь драматическое повествование, прикрыв собственные преувеличения неопределенной, но отнюдь не лишенной смысла ссылкой на *dicitur*.

⁴² Vretska 1955, 82.

⁴³ Schmal 2001, 61.

И вот после долгих колебаний решение принято: «Наконец, [Бокх] все-таки велит позвать Суллу и, следуя своему плану, готовит засаду нумидийцу» (113. 4). Примечательно, что Саллюстий не сообщает о причинах, побудивших царя остановиться именно на этом варианте⁴⁴, и мы можем только гадать, руководствовался он страхом (108. 3) или непоследовательностью (113. 1)⁴⁵; в любом случае похвалы со стороны Саллюстия он не заслуживает.

Последнее упоминание о Бокхе очень буднично: «Когда наступил день и Бокху донесли, что Югурта неподалеку, он в сопровождении нескольких друзей и нашего квестора как бы в знак уважения выходит навстречу Югурте и поднимается на холм, превосходно видный всем, кто скрывался в засаде» (113. 5). Если до этого мавр, по мысли Саллюстия, держал в руках весь дальнейший ход событий, то теперь он появляется только для того, чтобы уйти в тень, предоставив действовать другим. Не сообщается даже, чтобы царь отдавал какие-то приказы своим людям. Более мы о нем не слышим.

Настала пора подводить итоги. Автор старой, но по-прежнему интересной диссертации о «Югуртинской войне» К. Лаукнер писал: «Личности интересуют Саллюстия не как характеры, а как творцы событий (die Träger der Ereignisse), их действия он объясняет особыми чертами характера»⁴⁶. Это можно сказать о Катилине, Цезаре, Катоне, Метелле, Марии, но никак не о Бокхе. В центре внимания Саллюстия не поступки царя, а его коварство, бесконечные колебания и перемена решений, долгое время не выливающиеся в какие-либо действия. Главный его поступок, выдача Югурты римлянам, как мы видели, так и не находит у писателя объяснения, и Бокх, как верно замечает К. Вретска, остается для читателя совершеннейшей загадкой⁴⁷. Заметим, что если вначале мавретанский царь изображается, по сути, как марионетка Югурты⁴⁸ и подкупленных им советников, то вскоре он начинает действовать совершенно самостоятельно⁴⁹. Любопытный парадокс: Саллюстий утверждает, что цари часто вступают в противоречие

⁴⁴ Vretska 1955, 82; Schmal 2001, 61.

⁴⁵ Vretska 1955, 82.

⁴⁶ Lauckner 1911, 24.

⁴⁷ Vretska 1955, 158.

⁴⁸ Т. Видеман ставит Бокха в один ряд с Югуртой как образчик дурных качеств царей у Саллюстия (Wiedemann 1993, 53), однако примеры, на которые ссылается исследователь (недоверие советникам, постоянная смена проводников и мест ночлега — *Sall. Jug.* 72. 2; 74. 1; 76. 1), свидетельствуют о поведении нумидийского царя, которое стало результатом конкретных обстоятельств, порожденных войной, чего нельзя сказать о Бокхе.

⁴⁹ Как замечает А. Ла Пенна, «возможно, в “Записках” [Суллы] Бокх решающим образом зависел от дипломатических действий Суллы; у Саллюстия же внимание переместилось прежде всего на варварского царя и драматическое противоречие между *lubido* и *metus* в его душе, противоречие, от разрешения которого зависит все» (La Penna 1959, 268). Если первый тезис является лишь предположением, то второй вполне справедлив. Другое дело, что, как уже говорилось, можно только догадываться, почему указанное противоречие разрешается именно так.

с самими собой (*regiae voluntates... saepe ipse sibi advorsae*)⁵⁰, но Бокх остается вполне верен себе, поскольку суть его характера, как он показан у Саллюстия, именно в противоречиях, которые отражаются в бесконечных колебаниях и перемене решений. И почему автор «Югуртинской войны» предпочел именно такой подход — еще одна загадка.

Литература / References

- Büchner, K. 1953: *Der Aufbau von Sallusts Bellum Iugurthinum*. Wiesbaden.
- Büchner, K. 1982: *Sallust*. 2. Aufl. Heidelberg.
- Chlup, J. Th. 2013: Sallust's Melian Dialogue: Sulla and Bocchus in the *Bellum Iugurthinum*. *Dialogues d'Histoire Ancienne Supplement* 8, 191–207.
- Feldherr, A. 2021: *After the Past: Sallust on History and Writing History*. Chichester.
- Gsell, S. 1928: *Histoire de l'Afrique du Nord*. T. VII. *La République romaine et les rois indigènes*. Paris.
- Klebs, E. 1897: Bocchus I. In: *RE*. Hlbd. 5, 577–578.
- Koestermann, E. (Hrsg.) 1971: *C. Sallustius Crispus. Bellum Iugurthinum*. Heidelberg.
- La Penna, A. 1959: L'interpretazione sallustiana della guerra contro Giugurta (continuazione e fine). *Annali della Scuola Normale Superiore di Pisa. Lettere, Storia e Filosofia. Serie II* 28/3–4, 243–284.
- Lauckner, C. 1911: *Die künstlerischen und politischen Ziele der Monographie Sallusts über den Jugurthinischen Krieg*. Diss. Leipzig.
- Oniga, R. 1990: *Il confine conteso. Lettura antropologica di un capitolo sallustiano (Bellum Iugurthinum 79)*. Bari.
- Paul, G.M. 1984: *A Historical Commentary on Sallust's Bellum Jugurthinum*. Liverpool.
- Santangelo, F. 2019: Sulla in the *Bellum Jugurthinum*. In: A. Eckert, A. Thein (eds.), *Sulla Felix: Politics and Reception*. Berlin–Boston, 107–124.
- Schmal, S. 2001: *Sallust*. (Studienbücher Antike, 8). Hildesheim.
- Schnorr von Carolsfeld, H. 1888: *Über die Reden und Briefe bei Sallust*. Leipzig.
- Schur, W. 1934: *Sallust als Historiker*. Stuttgart.
- Sensal C. 2001: Salluste, Iug. 110: une réminiscence de Sylla? *Les Études Classiques* 69, 65–74.
- Shaw, E.H. 2021: *Sallust and the Fall of the Republic: Historiography and Intellectual Life at Rome*. Leiden–Boston.
- Steidle, W. 1958: *Sallusts historische Monographien: Themenwahl und Geschichtsbild*. (Historia, Einzelschriften, 3). Wiesbaden.
- Tiffou, E. 1973: *Essai sur la pensée morale de Salluste à la lumière de ses prologues*. Montreal–Paris.
- Vretska, K. 1955: *Studien zu Sallusts Bellum Jugurthinum*. Wien.
- Wiedemann, Th. 1993: Sallust's 'Jugurtha': Concord, Discord, and the Digression. *Greece & Rome* 40/1, 48–57.
- Windberg, F. 1937: Numidia. In: *RE*. Hlbd. 34, 1343–1397.

⁵⁰ Этот пассаж (см. выше) — единственное отрицательное суждение в «Югуртинской войне» о царях как таковых — как и в «Заговоре Катилины» (*Sall. Cat. 7. 2*).